

Иван Александрович Гончаров

Уха

**Гончаров Иван
Александрович
Уха**

И. А. Гончаров
УХА

Очерк

В городе С. из одного дома выехали две телеги, запряженные каждая парой сытых кормленых лошадей. В первой телеге ехали женщины: жена приказчика одного барского имения, жена дьячка местной церкви и жена мещанина из города - большие приятельницы между собой. Правил этой первой телегой пономарь Ерема, человек набожный и на взгляд смирный. Спина у него была длинная, а ноги короткие: оттого ему и не давали стихаря, хотя он кроме своей обязанности пономаря, то есть звонить в колокола, помогал в местной церкви еще дьячку. Он был холостой и все собирался жениться, да никто за него не шел, потому что он был колченогий и мало имел дохода. Он помогал дьячку не в одной только церкви, ноя дома, колол дрова, носил воду и терпеливо отмалчивался, когда дьячок или жена его подтрунивали над ним. Он сидел на облучке телеги и поворачивал голову то к ней, то к другой из пассажирок, когда они тыкали его зонтиками в спину. "Угадай,

Ерема, кто тебя ткнул?" - спрашивали они. Он молча показывал, оборачиваясь, белые зубы, то в ту, то в другую сторону. "Хорошенько его, хорошенькой раздавалось сзади из другой телеги. - Ишь, баловень, уселся с бабами?"

На той телеге, где сидели женщины и к которой правил Ерема, был самовар с чашками и стаканами, тарелки, хлеб, соль и разная провизия, - все, что нужно было для стола и что могли забрать с собой женщины.

В другой телеге ехали мужья этих женщин: дьячок, приказчик и мещанин. С ними был невод и все потребное для рыбной ловли, также вино, наливки и пиво. Они собрались на остров на Волге наловить рыбы, сварить там же уху, напиться чаю и прочее. Словом, это был своего рода пикник, на который давно собиралась эта компания.

Ерема был вхож во все три семейства, и все, и мужчины, и женщины, знали его, как смиренного простяка и забавного малого, над которым безнаказанно можно потешиться вдоволь, Главную роль между женщинами играла жена приказчика. Она рассказывала своим приятельницам какую-то городскую

сплетню; те громко хохотали. "Хорошенько его, хорошенько, ишь как он лениво правит!" - продолжали кричать сзади мужчины. Женщины не заставляли себя долго просить; они прерывали рассказ приказчицы, и то та, то другая тыкали Ерему в спину зонтиками. Он едва успевал оборачиваться в ту или другую сторону, показывая белые зубы, почмокивал губами на лошадей и шевелил вожжами. "Угадай, кто тебя ткнул, Ерема?" - дразнила его та или другая из женщин задорно. "Почему я знаю!"

- Пресвятая Троица! помилуй нас грешных! - говорил, крестясь, Ерема, проезжая мимо церкви Троицы. Новый толчок в спину зонтиком от которой-нибудь женщины. На второй телеге мещанин тоже что-то рассказывал, и слушатели громко смеялись. По временам оттуда слышались восклицания.

- Хорошенько его, хорошенько! - раздавались мужские голоса с другой телеги. Ерема оглянулся и на них, но ничего не сказал, показав только белые зубы.

В это время съезжали с горы. На первой телеге раздалось пение: "Юность, юность, весе-

лись. Веселись, пока цветешь. Пой, резвись и кружись, ибо скоро ты пройдешь!" - пел женский голос. Между тем поровнялись с другой церковью. Ерема снял шапку и, осеняя себя широким крестом, набожно проговорил: "Тихвинская мати, пресвятая богородица, помилуй нас!"

Опять последовали тычки зонтиком и голоса с другой телеги:

- Хорошенько его, хорошенько баловня! Мужские голоса там дружно затягивали: "Вниз по матушке по Волге". Обе телеги двигались все ближе и ближе к реке. На горе опять показалась церковь.

"Святой Николай Чудотворец и угодниче божий, помилуй нас!" - крестясь, говорил Ерема, снимая шапку. Женщины не унимались тыкать его зонтиком. Ерема продолжал показывать белые зубы, чмокать губами на лошадей и шевелить вожжами. Женщины пели то "Среди долины ровныя", то "Я в пустыню удаляюсь". Мужчины из другой телеги или подтягивали им или пели унисоном "Не белы-то снеги в поле забелелися".

Наконец уже близко переезда на остров

была еще церковь Иоанна Предтечи. "Святой Иоанне Крестителю, моли Бога за нас!" - сняв шапку и крестясь, сказал Ерема. С этим вместе обе телеги пустились вброд через узенький рукав на острое.

Там еще посмеявшись над Еремой вдоволь и женщины и мужчины, на что он только показывал белые зубы и ничего не говорил, сняли с телеги все припасы, как для обеда, так и для рыбной ловли. Приказчик, мещанин и дьячок взяли невод и пошли на озеро ловить рыбу, предполагая наловить ее столько, что чересчур станет на уху. Чашки, стаканы, вилки, ложки, ножики и всю провизию передали женщинам, а лошадей и овес, который с собой привезли, отдали на руки Ереме, наказывая ему, чтобы он когда придет время, задал лошадям корм. "Хорошо, ужо задам", - лениво проговорил Ерема, поглядывая еще ленивее на обе телеги. Он отпряг лошадей, поставил телеги поодаль, а себе устроил род шалаша из прутьев и, прикрыв его захваченным приказчиком из дома пологом, сам растянулся на траве, подстлав под себя свой кафтан и снятую с телеги кожаную подушку, и заснул.

Дьячиха пошла на озеро с мужчинами, которые, захватив невод, принялись ловить рыбу на уху. Но, увидев, что они заворотили штаны выше колен и вошли в воду, чтобы закидывать невод, она пошла обратно к прочим женщинам. Муж ее из воды закричал ей, чтоб она зашла к Ереме посмотреть, все ли он сделал, что они ему наказывали, то есть отпряг ли лошадей, поставил ли их и телеги в сторону, как следует, где и как приютился сам и вообще сделал ли все, что нужно. "А то, пожалуй, он тово, - заключил дьячок, - заснет и ничего не сделает! Ты того, посмотри за ним и разбуди его, коли что..." Выслушав мужа, дьячиха тихо пошла навстречу к тому месту, где расположился Ерема. Через час она, торопясь, пришла к шалашу. Ерема лежал на своем кафтане, растянувшись на траве, и в самом деле спал. Дьячиха сначала заглянула только в шалаш к Ереме, подумала немного, потом вошла туда совсем, разбудила спящего, присела и пробыла там с час...

Остались две женщины, хозяйничали там, где их оставили мужчины. Они расставляли посуду, чашки, самовар был прежде отдан

Ереме, чтобы он его налил, положил угольев и сделал, как нужно. Они разложили хлеб и прочую провизию, яйца, жаркое и все, что взяли с собой, и поджидали жену дьячка, чтобы она помогала им управляться с закуской.

- Что это она нейдет: ужели все смотрит, как наши мужья рыбу в озере ловят?

- Пойти было, позвать ее сюда, - сказала жена приказчика и пошла ей навстречу. Но та пошла другой дорогой, в обход, и казалась возбужденной, от долгой ли ходьбы или от чего другого, неизвестно. Она прошла туда, где была провизия и где они остановились. Приказчица между тем подошла к шалашу Еремы посмотреть, что он делает. Она, нагнувшись, вошла в шалаш и нашла, что он не лежит, а сидит на своем месте. Сначала она осведомилась о телегах, о лошадях, потом спросила, поставил ли он самовар, где угли? Мало-помалу голоса их становились все тише и тише, наконец, совсем смолкли и наступило молчанье... Это продолжалось также около часу. Жена приказчика тоже в возбужденном состоянии вышла из шалаша Еремы и пошла окольной дорогой, поправляя прическу и

платье на себе, к тому месту, где были другие женщины. Но она застала только жену дьячка, которая сказала ей, что жена мещанина, соскучившись ждать ее, пошла ей навстречу, уже с полчаса назад.

Обе женщины, обыкновенно большие болтуны, на этот раз рассеянно и молча стали хозяйничать, расставляли стаканы, чашки с одного места на другое без всякой цели и потом переставляли их на прежнее место, раскладывали провизию и мало занимались друг другом. Все это со времени ухода мужчин продолжалось часа три. Никто не показывался, ни мужчины с неводом и рыбой, ни жена мещанина из шалаша Еремы, ни сам Ерема с кипящим самоваром...

.....
....

Наконец, часа в три дня явились и мужчины с рыбой для уха. Уха вышла на славу, совершенно Демьянова уха. Женщины набрали сухих ветвей, развели огонь, все молча налили большую кастрюлю водой, вскипятили, положили туда живых стерлядей, ершей, сазанов и стали варить уху. Они распорядились

прочей провизиею и стали поджидать жену мещанина, которая что-то замешкалась. Оно и не мудрено: место было малоизвестное, можно и заблудиться! Уха давно уже была готова, как она, запыхавшись и поправляя дорожкой также прическу и платье, пришла туда, где ждали ее другие. "Где же Ерема, что он не идет? Ах, он подлец!" - сказал приказчик. "Придет, придет!" - нехотя и небрежно отвечала жена мещанина. "Право, подлец!" прибавил приказчик.

- Вот и Ерема идет! - сказал мещанин. - Где ты пропал, подлец? спросил приказчик, - что не несешь самовара и уха ждет тебя тоже!

- Сейчас, сейчас! - лениво сказал Ерема, - вот вам и самовар! - Он поставил самовар, сам сел на одно пустое место, ни на кого не глядя, и нехотя взял ложку, как и другие.

- Что вы на него взъелись, в самом деле! Он тоже человек, как все люди, а не то, что какой-нибудь! - сказала одна из женщин.

Все начали есть уху и прочее, что привезено было из городу, с собой.

Мужчины всячески задирали Ерему, но он ел, как молодой рекрут, много и молча, а жен-

щины, которых подзадоривали их мужья, смотрели тоже молча в разные стороны...

- Да что с вами поделалось? Обворожил, что ли, вас Ерема? - спросил мещанин. Но Ерема ничего не сказал и не показал по обыкновению своих зубов, женщины тоже ели и пили, не говоря ни слова.

- Ну, давайте пить водку! Коли так! - решил мещанин и вынул знакомый, всем штоф вина, который улыбкой приветствовали все мужчины, не исключая Еремы. Для женщин приказчик привез из города наливки, меду и пива. Потом все стали есть, пить и веселились до вечера.

Поздно вечером все начали лениво подниматься с своих мест.

- А что лошадям задал ли ты овса, Ерема? - спросил дьячок.

- Задал! - отвечал Ерема. - Теперь поди уж чай съел! - Так напой их да закладывай, нечего тут прохлаждаться! - добавил тот.

Ерема ушел. Трое мужчин стали убирать невод, а жены их укладывали самовар, чашки и прочее, что было взято из города. Скоро обе телеги, запряженные лошадьми, тронулись в

город, когда на небе вызвездило и вечер был тихий и ясный. Переехали опять вброд рукав Волги, отделявший от твердой земли, и стали подниматься в гору. Но женщины уже не тыкали зонтиками в спину Ерему, хотя с другой телеги мужчины то и дело подстрекали их словами: "Хорошенько его, баловня! Хорошенько его!" Женщины продолжали молча смотреть в разные стороны. Ерема пошевеливал вожжами и правил лошадьми, не обращая, кажется, на них большого внимания. Когда поровнялись с церковью Иоанна Предтечи: "Святой Иоанне Крестителю, моли Бога за нас!" - снимая шапку и крестясь, сказал Ерема. "Ах ты, разбойник! Вот я тебе дам! говорил мещанин. - Отдуйте-ка его зонтиком! Слышите?" Но женщины не отдули его, продолжали сидеть молча, и Ерема на них не оглядывался. "Святой Николай, чудотворче и угодниче Божий, помилуй нас!" - говорил он, опять крестясь, снимая шапку, когда проезжали мимо церкви Николая Чудотворца. "Я дам тебе угодниче Божий, будешь ты у меня в церкви, вот этак же разговаривать! Ну-ка его в три зонтика!" - сказал с другой телеги дья-

чок. В первой телеге все молчали, все три женщины и Ерема, и зонтиками не трогали его в спину.

- Тихвинская Мати, Пресвятая Богородица, моли Бога за нас! проговорил Ерема, когда поровнялись с церковью Божьей Матери.

- Вот я тебе дам! Ишь, баловень! Залез к бабам! Чего вы там смотрите! Эй, вы, барыни! Хорошенько его! - кричал мужской голос сзади. Но в первой телеге ехали молча. Только один Ерема, поровнявшись с последней церковью Троицы и крестись, сняв шапку, произнес: "Пресвятая Троица, помилуй нас, грешных!"

С этими словами обе телеги остановились у дома, из которого выехали утром.